

Н.С. Зелезинская
(Минск, Беларусь)

ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВА САМОУБИЙСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ У. ШЕКСПИРА

В статье приводятся данные, доказывающие популярность мотива самоубийства в английской ренессансной литературе в целом и в творчестве У. Шекспира в частности. Рассматриваются три подхода к объяснению этой популярности в критической литературе, которые видятся как односторонние либо недостаточные. Автор утверждает необходимость обращения к культурно-историческому мето-

ду при анализе мотива самоубийства, поскольку в основе данного явления лежат характеристики Ренессанса, как то смена поведенческих кодов, изменения в понимании virtи, идея человекобога и др.

Ренессанс называют истоком современной постиндустриальной цивилизации. Именно Ренессанс представляется колыбелью современного мировоззрения, базой для осмысления тенденций нашего времени, поскольку «он является не только основой картезианского рационализма, но и условием его преодоления в лице позднего Шеллинга, Шопенгауэра и сверхчеловеческой воли к могуществу и власти Ницше» [3, с. 4]. Ренессанс видится особым состоянием мысли, породившим не только гуманизм, но и кризис идентичности и другие фундаментальные проблемы сегодняшнего дня. Разносторонние подходы к изучению Ренессанса выявляют явную неоднородность, и отсюда возникает его двойственный образ.

С одной стороны, это светлая и лучезарная картина великого обновления, возрождения интереса к античности, гуманизма и возвеличивания человеческого достоинства. Сегодня преобладает радужное восприятие Возрождения благодаря культурно-исторической традиции, сложившейся со времен Ж. Мишле и Я. Буркхардта и продолженной В.Н. Лазаревым, А. Тененти и др. «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености» [7, с. 254]. О пробуждении свежих сил и мыслей после средневекового сна свидетельствуют поэмы, трактаты и автобиографии Леона Батисты Альберти, Бенвенуто Челлини, Марсидио Фичино, Джанотцо Манетти, Пико делла Мирандолы и многих других итальянских гуманистов. Воспевали земные радости практически все елизаветинцы: Дж. Скельтон, Т. Мор, Т. Уайет и др.

С другой стороны, подобный образ полностью нивелируется, когда Ренессанс рассматривается как «период тотальной секуляризации и релятивизации фундаментальных смысловых ориентаций человеческого бытия» [3, с. 3] (Э. Канторович, Н. Бердяев, П. Флоренский, А.Ф. Лосев, Э. Левинас). XVI век действительно стал свидетелем глобальных перемен: драма Итальянских войн, великие географические открытия, антропоцентризм, первые проявления Контрреформации – все это не могло не наложить отпечатка на гуманизм раннего Возрождения. Гибель средневекового мировоззрения стала духовной трагедией для европейцев. Людские умы были дезориентированы разрушительным влиянием Коперника в астрономии, Монтеня в морали и Макиавелли в политике. Традиционная гуманистически-платоническая эстетика Ренессанса не охватывает те факты и идеи, которые теперь принято называть «обратной стороной Ренессанса». К обратной стороне Ренессанса относятся все те примеры разгула, разнузданности, безнравственности, разнообразных пороков, которыми Ренессанс славен не менее, чем великими художниками и полетом гуманистической мысли.

При объективном изучении эпохи, предпринятом такими учеными, как Л.М. Баткин, Э. Гарэн, А.А. Горфункель, П. О. Кристеллер, К.А. Сергеев и др., становится очевидным, что обе точки зрения имеют право на существование. Возрождение – это сложное соединение светского и религиозного, телесного и духовного, прекрасного и низменного, Аристотеля и Платона. Возрождение – это и возвраще-

ние к античности, и качественное ее переосмысление, и следствие многовековой средневековой культуры. «Новый образ жизни и новое мировоззрение были антиподом всей тысячелетней средневековой культуре. Однако средневековье тоже использовалось здесь в максимальной степени» [3, с. 42]. Естественно, что глубокие противоречия отличали и культуру, и мировоззрение в эту сложную историческую эпоху, и, следовательно, в восприятии жизни и смерти человеком Возрождения отсутствовали ясность и однозначность.

Налицо тот факт, что именно в эту нестабильную эпоху проблема самоубийства привлекает общественное внимание Европы. Уделили внимание этой теме практически все европейские писатели, моралисты, философы, теологи, казуисты, врачи, юристы. Большинство из них, следуя церковным установкам, придерживалось традиционной точки зрения в своем осуждении самоубийства. Среди них самые выдающиеся люди церкви, реформаторы, мыслители и авторы, такие, как Ф. Петрарка, Н. Мальбранш, св. Франциск Сальский и кардинал Ришелье. Некоторые замечательные люди, например, Декарт и Паскаль высказывали умеренное суждение о самоубийцах. Третьи, наконец, полностью отказались от консервативного взгляда и признали за человеком право распоряжаться своей жизнью, по крайней мере, при некоторых обстоятельствах; среди таковых, в первую очередь, надо назвать Эразма Роттердамского и Томаса Мора.

Вышеуказанные расхождения по поводу суждений в области самоубийства на континенте были характерны в целом и для британских авторов. Социологи документально подтверждают быстрорастущий уровень самоубийств и судебных обвинений против самоубийц в период с 1540 по 1609 гг. [4; 5; 6], что отражает повышенное общественное внимание к данному феномену.

Мы находим подтверждение этому в многочисленных трактатах жанра *ars moriendi* (искусства умирания), медицинских трактатах, эссе о смерти и «утешениях». Текстуально подтверждается и изобилие литературных самоубийств. Мотив самоубийства как способ развития сюжета в английской литературе присутствует в произведениях Бена Джонсона, Сэмюэла Дэнисла, Фулка Гревилля, Роберта Грина, Томаса Кида, Джона Лили, Томаса Лоджа, Энтони Манди, Кристофера Марло, Джона Марстона, Филиппа Мессинжера, Томаса Мора, Джорджа Пила, графа Сарри, Томаса Сэквилля, Джорджа Тербевилля, Сирила Тернера, Генри Уоттона, Джона Уэбстера, Джорджа Уэтсона, Джеффри Фентона, Франсиса Бомонта и Джона Флетчера, Томаса Хейвуда, Джорджа Чепмена [подробнее см. 2]. Но в наибольшей степени мотив самоубийства характерен для творчества Уильяма Шекспира.

Во всех десяти трагедиях великого драматурга наличествует мотив самоубийства, семь протагонистов добровольно уходят из жизни. Мотив самоубийства есть и во всех других жанрах. В произведениях Шекспира мотив самоубийства присутствует и в прозе, и в поэзии, в разных речевых формах: монологах, диалогах, авторских ремарках. Мы насчитали восемьдесят семь контекстов, где персонажи говорят о добровольной смерти либо совершают попытку таковой.

Причины такого внимания к мотиву самоубийства в творчестве Шекспира освещены в критической литературе разрозненно, однако в ней наиболее очевид-

ны три подхода. В соответствии с первым, самоубийство, как и убийство, есть неотъемлемый элемент ренессансной драмы, призванный впечатлить и утратить зрителя. Специфической чертой ренессансной трагедии является ее повышенное внимание к насилию, что объясняется не только влиянием трагедий Сенеки, но и реалиями Ренессанса с травлей медведя, публичными казнями и чтением мартирологов. На наш взгляд, данной точке зрения соответствует, пожалуй, только первая трагедия Шекспира «Тит Андроник», где кровь льется рекой. Да и в целом ни творчество драматурга, ни конкретно наличие огромного количества сцен смерти в шекспировских пьесах нельзя объяснить лишь стремлением нравиться публике.

В соответствии со вторым подходом, поддерживаемым, например, А.С. Брэдли, Дж.У. Найтом, Р. Полански, самоубийство возникает в связи с особенностями характера и психологии шекспировского героя. Несомненно, в этих рассуждениях есть рациональное зерно, но этого объяснения недостаточно: все же самоубийство совершают герои, чьи характеры значительно отличаются друг от друга, что мы видим при сравнении, например, женских образов – Лукреции, Офелии, Клеопатры, Гонериллы и леди Макбет.

С третьей точки зрения, поддерживаемой, например, С. Личем, Шекспир не придумывал суицидальный мотив в качестве финального для своих произведений, а брал его, как и весь сюжет, из других источников – античных трагедий, жизнеописаний, хроник, пьес других драматургов. Однако это не объясняет того, почему Шекспир отбирал среди всего многообразия доступных ему источников именно те сюжеты, которые ведут героя к самоубийству. И мы знаем, что Шекспир достаточно вольно обращался со своими источниками, если в этом была необходимость, нередко дополняя их как раз мотивом самоубийства: финальное самоубийство Отелло, суицидальная попытка Глоэстера, практически одновременное самоубийство Антония и Клеопатры. Никогда принц Амур не мучился шекспировским вопросом «быть или не быть?»

Очевидно, прежде, в дошекспировскую эпоху, человек был не в состоянии поставить данный вопрос как проблему, и лишь в эпоху Ренессанса новая «коллективная чувствительность» [1, с. 235] позволила задуматься над выбором между жизнью и смертью, более того, дать на этот вопрос *индивидуальный* ответ. Таким образом, необходимым условием объяснения природы самоубийства в произведениях Шекспира является анализ самой эпохи Возрождения, ее глубинных характеристик и характеристик человека Возрождения: антропоцентризма, человекобожия, конфликта поведенческих кодов, религиозных реформ. Требуется обратить внимание на ментальные установки елизаветинцев относительно меланхолии, отчаяния, смерти, инаковости, хаоса и др. и определить, насколько релевантна каждая из этих концепций непосредственно для шекспировского творчества.

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес ; пер. с фр. общ. ред. Оболенской С. В.; Предисл. А. Я. Гуревича. – М. : Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. – 528 с.

2. Зелезинская, Н.С. Самоубийство в английской литературе на рубеже XVI–XVII вв. / Н.С. Зелезинская // XIX Пуришевские чтения. Переходные периоды в мировой литературе и культуре : сб. ст. и материалов / Моск. гос. пед. ун-т; отв. ред. М.И. Никола. – М., 2007. – С. 72–73.

3. Сергеев, К. А. Ренессансные основания антропоцентризма / К. А. Сергеев. – СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1993. – 264 с.

4. MacDonald M., Murphy T.R. Sleepless Souls: Suicide in Early Modern England. – Oxford, 1991; MacDonald M. The Secularization of Suicide in England. – 1986. – Vol. 111. – P. 50–100.

5. Tudor Economic Documents: Being Select Documents Illustrating the Economic and Social History of Tudor England / ed. by R. H. Tawney and Eileen Power. – London : Linginans, 1953. – 3 vols.

6. Thomas K, Gunnell D. Suicide in England and Wales 1861–2007: a time-trends analysis. – Int J Epidemiol. – 2010. – # 39(6). P. 1464–75. PubMed: US National Library of Medicine National Institutes of Health.

7. Маркс, К. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – М., 1932. – Т. 20. – 254 с.